

П. О. Акопян

Хачатур Абовян и общественные деятели Эстонии 30-х годов XIX века

I

Один из важнейших периодов жизни и учебы великого армянского просветителя протекал под небом Прибалтики, в эстонском городе Дерпте (ныне Тарту), куда он приехал 3 сентября 1830 года, чтобы под руководством профессора Фр. Паррота подготовиться к деятельности учителя и воспитателя молодого поколения.

Непривычная обстановка, в которой он должен был жить, и незнакомый язык, на котором ему предстояло учиться и общаться со своими преподавателями, не «подавили» юношу, не уклонили его от заветной цели, намеченной уже с ранних лет.

С самого же начала приветливо принятый лучшими представителями университетской интеллигенции и за удивительно короткое время блестяще овладевший немецким языком, он начал настойчиво и планомерно совершенствовать свои знания и готовиться к тому великому делу, которому он решил себя посвятить. Где бы ни находился и с кем бы ни встречался Хачатур Абовян, его занимала одна мысль — как лучше использовать представившиеся возможности, чтобы скорее накопить необходимые и полезные знания, глубже изучить различные формы организации жизни и труда. Им владело страстное стремление распространить среди соотечественников, угнетенных невежеством и тьмой, все приобретенные знания, чтобы просветить любимую родину и приобщить родной народ к передовой культуре.

Абовян сам с глубокой признательностью отмечал ту поистине определяющую роль, которую сыграл в его жизни Фридрих Паррот — профессор прославленного Дерптского университета. Паррот был для него не только учителем и воспитателем, но и любящим, заботливым отцом и советником. Он оберегал своего питомца от вредных влияний, воодушевлял и укреплял его в решении посвятить себя трудному, но почетному призванию «наставника» народа, призванию, которое должно было снискать ему восхищение и благодарность грядущих поколений.

«И именно в силу этого я постепенно нашел доступ в самые лучшие и почетные круги в семьях профессоров, — писал сам Абовян. — У многих я поистине чувствовал себя как в родном доме: их пример, их быт и нравы, их образ мышления были для меня самой лучшей школой. Они не только старались доставить мне наибольшее удовольствие, но и интере-

совались самыми мельчайшими обстоятельствами моей жизни, никогда не позволяя себе каким-либо неуместным словом унижить мою религию, мой народ... наши национальные обычаи...»¹.

Дерптские дневники и письма Абовяна дают нам возможность познакомиться с некоторыми из упомянутых им «почетных» людей — с проживавшими в 30-е годы в Дерпте учеными и общественными деятелями. Кроме своего покровителя — известного ученого и естествоиспытателя Фридриха Паррота, бескорыстного друга армянского народа, Абовяна находился в каждодневном общении и поддерживал дружеские связи с такими представителями научного мира в Дерпте, как признанный знаток античного искусства и литературы Карл Моргенштерн, историк-востоковед Карл Людвиг Блюм, минералог Мориц фон Энгельгардт, экономист Эберхард Давид Фридлендер, математик Мартин Христиан Бартельс, основатель сельскохозяйственного института в Вана-Куусте (бывш. Альт-Кустгоф), агроном и ученый Иоганн Фридрих Леберехт Шмальц, ботаник Христиан Фридрих Ледебур, прославленный хирург Иоганн Христиан Мойер, философ Готлиб Бениамин Еше, художник Август Матиае Хаген, музыковед Эмиль Август Генрих Гёршельман, скрипач Иоганн Бениамин Гросс, а также со студентами профессорского института при университете, будущими учеными — астрономом Вас. Фёдоровым, экономистом Иваном Горловым и многими другими.

В числе тех, кто принимал Абовяна как родного в своем семейном кругу и всячески содействовал ему, были Иоганн Теодор Грасс (будущий профессор), геолог Максимилиан Бегагель фон Адлерскрон, мать прославленного русского лексикографа В. И. Даля — Юлия Даль, тетка поэта В. А. Жуковского по отцу — Екатерина Афанасьевна Протасова.

В кругу близких друзей и наставников Абовяна были и такие славные сыны эстонского народа, как известный исследователь финно-угорских языков академик Фердинанд Иохан Видеман, педагог Дитрих Генрих Юргенсон и ученый-агроном Якоб Ионсон.

2

В переписке и дневниках дерптского периода мы встречаемся со многими данными, подтверждающими исключительно теплые взаимоотношения Абовяна и Ф. И. Видемана (1805—1887). К этому вопросу обращались и современные эстонские исследователи: так, в 1955 году академик Паул Аристэ опубликовал фрагмент из мемуаров Ф. И. Видемана, в котором говорится о знакомстве автора с Абовяном и об их взаимоотношениях². Немецкий текст этого отрывка академик П. Аристэ прислал в январе 1955 года Институту литературы им. М. Абеяна АН АрмССР. Значительно позднее — уже в 1959 году, просмотр полного текста воспомин-

¹ *Խ. Աբովյան, Երկերի լիակատար ժողովածու* (Х. Абовяна, Полное собрание сочинений), Ереван, 1958, т. VIII, стр. 307.

² Нам известны две статьи академика П. Аристэ по этому вопросу (обе на эстонском языке): одна была напечатана в тартуской газете «Эдази» (18. X. 1955), а другая — в эстонском журнале «Язык и литература» (№ 9 за 1959 г., стр. 544—546).

наний Видемана в отделе рукописей Литературного музея имени Ф. Р. Крейцвальда в Тарту дал нам возможность ознакомиться и со вторым фрагментом, который вносит некоторые дополнения в первый. Считаю нелишним привести здесь оба фрагмента:

I. «...И для <изучения> другого восточного языка представилась наилучшая возможность,— пишет Ф. И. Видеман. — Мне удалось познакомиться с одним молодым армянином — Абовяном, который сопровождал Паррота во время его восхождения на Арарат, приехал с ним в Дерпт и теперь под его присмотром обучается здесь. Он совершенно свободно владел уже немецким языком и, в прошлом будучи духовным лицом, мог с полным основанием преподавать армянский книжный язык. Простонародный язык я немного изучил значительно позже, уже будучи старшим учителем в Ревеле, при помощи молодого армянина, который сдавал мне экзамены на звание учителя начальной школы. Ко всему этому Абовян был еще и поэтом, и у меня сохранились, кроме его самостоятельного (собственного), стихотворения под названием «Масис» («Арарат»), и поэтические переводы «Лесного царя» Гете и «Рыцаря Тогенбурга» Шиллера. Впоследствии он еще раз посетил меня в Митаве, когда сопровождал Паррота во время инспекционной поездки последнего...»

II. «Когда профессор Фридлендер в качестве инспектора приехал как-то сюда (то есть в Митаву — П. А.), он привез с собой моего приятеля Абовяна, армянина по национальности, который, конечно, жил у меня все время, пока Фридлендер был в Митаве...»³.

О чем же свидетельствуют эти два отрывка?

Прежде всего о том, что ко времени встречи с Ф. И. Видеманом Абовян уже очень хорошо владел немецким языком:

Во-вторых, что Абовян вручил Ф. И. Видеману свое стихотворение «Масис» (настоящее заглавие этого стихотворения — «Впечатления от восхождения на гору Масис, в 1829 г. 27 сентября» — П. А.).

И, наконец, что Абовян дважды, в разное время, посетил Ф. И. Видемана в Митаве. Надо сказать, что о поездке с Э. Д. Фридлендером имеются и другие свидетельства, но о посещении Митавы с Ф. Парротом у нас нет никаких данных кроме этого упоминания.

Это представляющее определенный интерес упоминание Ф. И. Видемана о Х. Абовяне, тем не менее, страдает одним существенным недостатком — полным отсутствием хронологических данных. Ф. И. Видеман ничего не говорит о том, когда и при каких обстоятельствах он впервые встретился с Абовяном, когда получил от него упомянутые стихотворения и, наконец, когда посетил его Абовян в Митаве и с кем — с Ф. Парротом или с Э. Д. Фридлендером?

И тут на помощь исследователю приходят дневники Абовяна и полученные им от Ф. И. Видемана письма. Эти материалы очень нужны и

³ Ferd, Joh. Wiedemann, Nachrichten und Aufzeichnungen von und über Personen meiner Verwandschaft. Erinnerungen aus meinem Leben. Zusammengetragen St. Petersburg, 1858 u. f. f., S. S. 172 und 190 (Рукопись; хранится в Тарту в рукописном отделе Литературного музея им. Ф. Крейцвальда АН ЭССР).

для изучения биографии самого Ф. И. Видемана (Письма и дневники полностью прилагаются к нашей статье — см. Приложения I и III; здесь же излагаются извлеченные из них данные).

Абовян познакомился с Ф. И. Видеманом в последних числах декабря 1830 года в Дерпте. В следующем — 1831 году, летом, между 24 июня и 31 июля (точные дни не установлены), Ф. И. Видеман брал у Абовяна уроки армянского языка⁴.

Это длительное общение еще больше сблизило Абовяна и Ф. И. Видемана, который об этом хорошо сказал своему армянскому другу:

«Коротко время пребывания Вашего здесь, но дружба наша да будет долгой!..» (запись от 5 января 1832 года).

Абовян был знаком и с другими членами семьи Ф. И. Видемана — его братом, женой, тестем — преподавателем математики Соколовским и дочерью последнего — Юлией.

Второй раз встретились друзья 26 декабря 1831 года, опять-таки в Дерпте. Десять дней они провели вместе, возобновив свои занятия армянским языком. В качестве учебного пособия Абовян избрал на этот раз вдохновенный труд Егишэ — «О Вардане и войне армянской». Во время этой второй встречи Ф. И. Видеман и посоветовал Абовяну составить немецко-армянский словарь. Он беседовал с Абовяном о процессе развития языков, о взаимодействии их и, в частности, о языке армянском. Важнейшие высказывания во время этой знаменательной беседы Абовян вкратце записал в своем дневнике (запись от 26 декабря 1831 года). Эти высказывания говорят о том, что Ф. И. Видеман, с помощью Абовяна изучавший его родной язык, благодаря природным способностям сумел углубиться в особенности армянского языка и оценить по достоинству как богатство его словарного фонда, так и широкие возможности его словообразования.

Особенно сильное впечатление произвел на Абовяна видемановский метод научной работы. Ни одной минуты Ф. И. Видеман не сидел праздно, не терял ни одного дня, неустанно работал, изучая все новые и новые языки. Недаром Ф. И. Видеман избрал девизом крылатые слова: «Следует использовать время!» (см. запись от 1 января 1832 года).

Х. Абовян и Ф. И. Видеман переписывались друг с другом, но к сожалению, из этой переписки сохранилась очень незначительная часть, которая к тому же носит односторонний характер, поскольку нет (по крайней мере, нам не известны) адресованных Ф. И. Видеману писем самого Абовяна.

Из писем Ф. И. Видемана мы узнаем, что он живо интересовался (и в дальнейшем сохранил этот живой интерес) армянским языком и армян-

⁴ В этом же, а также в следующем году у Абовяна брали уроки армянского языка также профессор университета Юлиус Пирс Эрнст Герман Вальтер (1794—1831), брат его — безвременно скончавшийся талантливый филолог Гундо Вильгельм Вальтер (1804—1831) и студент университета Эрнст Адольф Герман (1812—1884).

Э. А. Герман впоследствии был профессором истории в Иенском университете, почетным членом Ученого эстонского общества. Автор труда по арменистике „Das Russische Armenien von armenischer Schriftstellern geschildert“ (см. книгу К. Костаняна „Арменистика в Западной Европе“).

ской письменностью. Достижения в области арменистики волновали его, несмотря на его крайнюю загруженность занятиями. Трогательны обращения к Абовяну строки письма: «Вы так добры ко мне, что я и не знаю — чем я это заслужил и как могу отплатить Вам... Наше знакомство, которое, собственно говоря, может принести пользу и доставить удовольствие только мне, Вы склонны считать счастьем и для себя... Конечно, я сознаю, что мне следовало задолго до этого написать Вам, — чтобы сейчас не чувствовать себя пристыженным, от Вас первого получив письмо. Но я его все время откладывал, чтобы иметь возможность неожиданно поразить Вас написанным по-армянски письмом. Но из-за множества дел и частных уроков я так и не сумел выкроить время и посвятить занятиям этим языком столько времени, сколько мне хотелось бы и сколько потребовалось бы для того, чтобы иметь возможность написать письмо на армянском языке. По этой причине я ныне довольствуюсь этим моим немецким <письмом>. Посмотрим, смогу ли в дальнейшем когда-нибудь достичь того, чтобы написать и по-армянски...»⁵.

Эти строки написаны были 16 апреля 1832 года. Получив от товарища приглашение навестить его, Абовян по дороге из Риги в Понимун (село в Литве) сворачивает в Митаву (ныне Елгава), чтобы повидаться с Ф. И. Видеманом. Впечатления от трехдневного пребывания в Митаве подробно записаны в дневнике Абовяна (записи от 16, 17 и 18-го числа).

Оказывается, Ф. И. Видеман не забыл данного Абовяну обещания написать ему письмо на армянском языке. Несколько написанных на древнеармянском языке (грабаре) рукой Ф. И. Видемана строк, к сожалению не датированных, дошли до нас. Вот они:

«Давно уже было у меня намерение, драгоценный друг мой, нацарапать тебе несколько букв по-армянски, чтобы доказать тебе, что еще не забыты мной ни ты, ни язык, которому ты обучал меня. Если же великое множество ошибок найдешь ты в этом письме моем, то прости меня, ибо я не имел возможности обратиться к тебе за советом.

Неприятно мне, что ничего не слышал я о тебе после того как...»

Тут прерывается это простое, задушевное и написанное почти без ошибок послание⁶, не оставляющее никаких сомнений в том, что автор его действительно владел армянским языком.

Дневниковые записи Абовяна фактически обрываются на половине 1833 года. Поэтому мы ничего не знаем о последующих встречах его с

⁵ Հիշակն իմացաւոր Արտիմիւր (Архив Хачатура Абовяна), Ереван, 1948, том II, стр. 116—117. К сожалению, автор этого послания, опубликованного много лет назад, до последнего времени оставался у нас неизвестным, так как ошибочное прочтение инициалов перед фамилией Ф. И. Видемана (Н. вместо F) вводило исследователей в заблуждение.

⁶ Подлинник этого письма хранится в Музее литературы и искусств АН АрмССР (см. Архив Х. Абовяна № 366). Хотя письмо и не подписано, но изучение рукописи и сравнение начертания нескольких армянских слов в письме Ф. И. Видемана Абовяну от 16 апреля 1832 года с несомненностью свидетельствуют о том, что оно написано рукой Ф. И. Видемана. Надо полагать, что написано оно никак не раньше 1833 г.

другом и, в частности, о встрече, на которой, по свидетельству Ф. И. Видемана, присутствовал и профессор Фр. Паррот (если только Ф. И. Видеман не спутал это с инспекционной поездкой Абовяна с Фридлиндером в Митаву летом 1832 года).

3

Дитрих Генрих Юргенсон⁷ (1804—1841) принадлежал к плеяде видных эстонских педагогов. Он возглавлял учительскую семинарию в Дерпте со дня ее основания (1828) и до самой своей смерти. За тринадцать лет он подготовил свыше пятидесяти учителей и воспитателей как для эстонского народа, так и для остальных прибалтийских народов. Несколько лет (1837—1841) он состоял преподавателем эстонского языка и в Дерптском университете, был одним из основателей Ученого Эстонского общества и первым его секретарем.

Своими дельными советами Д. Г. Юргенсон помог Абовяну глубже освоить опыт и работу народного учителя, приобрести необходимые педагогу теоретические и практические знания. Не подлежит сомнению, что определенные методы преподавания, присущие Д. Г. Юргенсону, а также проповедуемые им принципы взаимоотношений между учителем и учениками применялись в дальнейшем Абовяном — в открытом им в Тифлисе частном пансионе, как в повседневном общении с детьми, так и в часы занятий с ними. Точно так же как у Д. Г. Юргенсона, в пансионе Абовяна ученики чувствовали себя так, словно находились у себя дома, на попечении собственных родителей⁸.

Нам не пришлось ознакомиться с личным архивом Д. Г. Юргенсона. Нет у нас сведений и о том, сохранился ли он вообще, и если да, — то где он хранится. Вопрос о взаимоотношениях Абовяна и Д. Г. Юргенсона, в силу этого, изучен нами односторонне, лишь на основании разбросанных в дневниках Абовяна отрывочных сведений (все выборки приложены к данной статье — см. Приложение II).

О чем же говорят эти данные?

Два полугодия (семестра) — второе полугодие 1831 года и первое — 1832 года — Абовян в заранее назначенные дни посещал начальную учительскую семинарию в Дерпте, занимаясь в основном по трем предметам: истории, арифметике и пению. По двум первым предметам Абовян подготовился частным образом, и в конце полугодия Д. Г. Юргенсон проверял полученные им познания. Уроки же пения Абовян посещал наравне с остальными питомцами семинарии. Помимо самого учителя пения — Карла Фридриха Бидермана (1792—1869), в занятиях по пению Абовяну по-

⁷ В подлинниках дневников Абовяна фамилия его транскрибируется как *Иргензон* или *Ергензон* — П. А.

⁸ Срав. Х. Абовян, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 112 и 117. «Միտավորված էր Խաչատուր Խաչատրյանի դասին» [«Современники о Хачатуре Абовяне»]. Ереван, 1941, стр. 107—108, 113; Н. Ланге. Das Erste Dorpat'sche Lehrer-Seminar. Dorpat, 1890, S. 11 und 160.

могал и любимый ученик и земляк Д. Г. Юргенсона — Иоганн Генрих Фром (род. в 1812 г.)⁹.

О том, как сдавались Д. Г. Юргенсону проверочные испытания по древней истории и арифметике, Абовян рассказывает в дневниковых записях, датированных 19—20 ноября, 12 и 16 декабря 1831 года¹⁰, а относительно занятий по пению — в записях, датированных 4 сентября, 15 и 17 декабря того же 1831 года¹¹.

Посещая учительскую семинарию, Абовян под руководством Д. Г. Юргенсона изучал также теорию и практику педагогики, проявляя особый интерес к преподавательскому методу самого Д. Г. Юргенсона. Многозначительна в этом смысле следующая запись в дневнике Абовяна: «...Учитель мой обещал дать мне инструкцию <по методу> преподавания своего...»¹² (см. запись от 3 января 1832 года).

Надо признать, что Д. Г. Юргенсон с исключительной гуманностью относился к своему питомцу-армянину, часто приглашал его к себе, радушно угощал и беседовал с ним, поощрял и хвалил его за успехи в учебе, расспрашивал о положении его родной страны и народа, выражал сочувствие, утешал и воодушевлял его¹³.

Абовян искренне уважал и любил своего руководителя и наставника и характеризовал его следующими словами: «Учитель мой, Юргенсон — человек кротости великой...»¹⁴.

4

Якоб Ионсон (1806—1865) был крупным эстонским ученым, «доктором философии и магистром агрономии». В 1829—1833 гг. он был студентом экономического отделения Дерптского университета. Лишенный при царизме возможности работать в родной Эстонии, он после окончания университета переехал в Петербург и посвятил себя научной и публицистической деятельности, долгие годы был редактором журнала, издаваемого Императорским вольным экономическим обществом, написал ряд ценных трудов, посвященных вопросам экономики сельского хозяйства.

Нам неизвестна точная дата знакомства Абовяна с Якобом Ионсоном. До сего времени не выяснены и подробности, относящиеся к их встречам и беседам. До нас дошел лишь листок с прощальным приветом, переданный Абовяну 9 марта 1833 года, накануне отъезда Я. Ионсона из Дерпта. Ниже приводим его полностью:

⁹ Данные о биографии Фрома см. H. Lange, Das Erste Dorpatsche Lehrer-Seminar, S. 67—68.

¹⁰ X. Абовян, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 47—49, 63 и 69.

¹¹ Там же, стр. 17, 65—67.

¹² Там же, стр. 118.

¹³ Там же, стр. 112, 117—118, 134.

¹⁴ Там же, стр. 117.

«Рай для человека — это его сердце.
 То, что любовно влечет в саду сем —
 Розы то и жасмин для забав, венков и игр.
 Ах, но быстро исчезает все и увядает,
 И то лишь, что взрастит луч дружбы,
 Живуче — пища для времени и вечности!
 Листы воспоминаний — это свидетели минувших
 дней:

Так говори же, ты — листок, когда умолкнет голос!
 Искренний Ваш друг

Якоб Нонсон.

Дерпт,
 9 марта 1833 г.¹⁵

Мы можем лишь предполагать на основании изложенного, что Абовяна и Я. Нонсона связывали близкие товарищеские отношения и что они глубоко уважали друг друга.

Известно, что в годы пребывания в Тифлисе Абовян поддерживал связь с Императорским вольным экономическим обществом в Петербурге, а иногда даже выписывал книги через него¹⁶. Но общался ли он лично с Я. Нонсоном и о чем писал ему, мы ничего определенного сказать не можем.

5

Источники, раскрывающие взаимоотношения Абовяна и эстонских общественных деятелей, характеризующие его отношение к эстонцам, не исчерпываются рассмотренными выше. Как выясняется из записей в дневниках дерптского периода, 13 марта 1832 года Абовян долго беседовал с первым председателем будущего Ученого Эстонского общества Карлом Генрихом Константином Геве (1796—1856) об эстонском народе и оставил в дневнике следующую скупую, но благожелательную запись: «Эстонцы. Среди них ораторы благочестивые...»¹⁷.

Есть упоминания и о встречах Абовяна со вторым председателем будущего Ученого Эстонского общества — ученым и врачом Александром Фридрихом Хюком¹⁸ (1802—1842).

С любовью вспоминал Абовян и о простых людях Эстонии — крестьянах, радушие и человеколюбие которых глубоко его тронуло. В этом отношении характерна одна из страниц его путевых записок во время поездки в Фридрихсгоф в мае 1832 года: «...По дороге крестьянин некий, который сехал в повозке с женой своей, увидев меня идущим пешком, снял

¹⁵ Музей литературы и искусства Академии наук АрмССР, архив Х. Абовяна. № 488а.

¹⁶ См. Архив Хачатура Абовяна, т. II, стр. 167—168, 274.

¹⁷ Х. Абовян, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 170.

¹⁸ См. там же, стр. 57.

шапку свою и обратился ко мне по-эстонски, а заметив, что не понимаю я <сказанного им>, сам подошел и пригласил меня сесть в повозку свою, и несколько верст ехал я с этим крестьянином...»¹⁹.

Описывая другое свое путешествие в Фридрихсгоф (в июле 1834 года), Абовян объясняет, что намеренно отправился туда пешком, несмотря на связанные с этим трудности, для того чтобы познакомиться с природными условиями страны, изучить «быт и нравы жителей», осмотреть результат трудов местных землепашцев — их поля и пашни, которые он уподоблял «Книге со знаниями многочисленными»²⁰.

Изучение жизни эстонских крестьян дало Абовяну возможность осознать «жалкое» положение обездоленных, вызвало чувство боли и сочувствия в его душе. Он понял, насколько тяжело быть «земледельцем жалким, измученным и страдавшим, который и десятой долей заработка своего не пользуется сам...»²¹, — с возмущением протестовал Абовян против эксплуатации крестьянства.

6

В этом очерке мы вынуждены были довольствоваться доступными нам материалами. Надо думать, что в дальнейшем совместные исследования эстонских и армянских литературоведов помогут выявить неизвестные еще нам документы, которые восполнят наши сведения о связях эстонских литературно-общественных деятелей с Хачатуром Абовяном.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

О Ф. И. ВИДЕМАНЕ

<26 декабря 1831 г.>

В десятом часу пришел ко мне неожиданно любезный друг мой — господин В и д е м а н, благородство которого я познал в прошедшую зиму и с которым целый месяц занимался летом армянским языком.

Приход его меня безмерно порадовал, ибо давно уже я не виделся с ним, поскольку назначен он учителем гимназии в Вилнау²². Добросердечный друг мой с любовью расцеловал меня, справился заботливо о здоровье моем. Я попросил его сесть рядом со мной, и принялись мы поочередно рассказывать друг другу о жизни нашей после разлуки. Говорил он относительно армянского языка, а я — относительно немецкого; он — о поездке своей, я — о своем житье-бытье. Упрекнул он меня за то, что не навещал я тестя его — господина Соколовского после разлуки, а я привел причиной застенчивость свою. Он привел с собой маленькую собачку

¹⁹ Х. А б о в я н, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 186.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Абовян пишет Вилнау вместо Митавы — П. А.

свою — Жолн. Я угостил ее бутербродом, но будучи сытым, животное не стало есть. Среди беседы сладостной с любезным другом моим, посчитал я желательным поведать моему читателю прежде всего о том, что нужно также и народу нашему. Во время беседы нашей о различных языках (ибо прекрасно ведомы ему не только европейские, но и азиатские языки, и умеет он читать-писать более чем на 25-ти языках и знает особенности их) он сказал: «Только в Германии одной можно найти 100 наречий, на которых говорят среди немецкого народа и которые происходят из одного общегерманского языка. На заявление мое, что нелегко для меня поверить в то, якобы язык наш от Гайка произошел, — он согласился со мной, сказав: «ибо язык без письменности почти в каждом столетии меняется, и этому много примеров». А как возрадовался я душой, когда стал он превозносить язык армянский превыше всех языков европейских и азиатских за богатство его: «Только индийский язык может сравниться с армянским», — сказал он. Будучи сам немцем, не стыдился он отдать предпочтение языку армянскому перед собственным... И разве не должно это пристыдить тех, которые не почитают нисколько язык наш?! Не следуя суждениям собственным, я предоставил слово ему, и вот что сказал этот языковед именитый: «Ни у одного языка нет преимуществ тех и возможностей для составления новых слов из корней различного рода и размножения их, как у языка армянского, и именно это есть свидетельство благородного стремления и усилий предков армян, ибо ничто не обогатит языка, если нет у народа светлого разума и неустанных усилий создать для языка своего такие высокие слова, в которых чувствовался бы стремящийся к прекрасному дух». Увы!.. где же этот дух ныне?! Поклонник языка нашего, он советовал мне создать немецко-армянский словарь, и, в связи с десятидневным пребыванием своим в городе, просил использовать это время для занятий с ним по армянскому языку. Я с радостью согласился на предложение это.

Я попросил передать привет милой супруге его, а он в ответ настаивал на том, чтобы я сам поехал к ней (91—92)²³.

<28 декабря.>

...сегодня, после часовой с чем-то беседы с господином Видеманом, в двенадцатом часу отправился я к моему черкесу... (95).

<29 декабря.>

...завернувшись в шинель свою, я ходил по комнате, пока пришел любезный друг мой господин Видеман, и я прочел ему историю Егишэ (а он каждое слово отдельно записывал в свою тетрадь вместе с переводом) (97—98).

²³ Эти и последующие номера указывают соответствующие страницы Дерптских дневников Х. Абовяна, напечатанных в VI томе Полного собрания сочинений (Ереван, 1955 г.).

<1-го января 1832 г.>

После полудня зашел к другу моему Видеману. И как же удивился я, увидев его, ибо занят он был переводами с индийского языка! «Любезный друг, весь город сейчас в движении, а вы все занимаетесь?! — сказал я. «Следует использовать время!» — ответил он. Братским поцелуем запечатлев взаимные поздравления, мы принялись беседовать о разных вещах (107).

<5 января.>

Сегодня утром уехал любезный друг мой Видеман. Я зашел к нему, перед отъездом мы немного побеседовали. С горестью попрощался я с ним. После того, как поцеловал я руку супруге его, а она меня — в лоб, я молвил: «Сохраните добрую память обо мне!» И она повторила те же слова с полными слез глазами. После этого вошел я в комнату любезного друга моего, горячо расцеловался с ним. «Коротко время пребывания Вашего здесь, но дружба наша да будет долгой!..» — <сказал он мне.> (120).

<16 июня>

Поскольку ночи бывают коротки, светает быстро. Все окрестности по дороге ясно вырисовываются перед нами. Там дома за домами, тут и там — красиво построенные, садами и прекрасными цветниками украшенные дачи; даже почтовые станции чисто и уютно устроены, на каждом окне — цветы. Погода холодная, но мысли согревают меня и не дают мне покоя. Скорее бы добраться до Митава, до друга моего — Видемана, который давно приглашал меня к себе! Между Ригой и Митавой — 40 верст и две почтовые станции... С восходом солнца предстал перед нами город Митава. Дремота у меня прошла. Великолепный дворец герцога построен у реки. Въехав в город в 6 часов, когда все еще спали, мы увидели, что только евреи ходят по улицам в такую рань. Мальчуган из дома господина Фреймана проводил меня к другу моему Видеману. Все они еще спали, когда я вошел в дом, и я приказал служанке не будить их. Тем временем поспешил я сменить одежду и выйти прогуляться в город, зашел в католический храм, где служили заутреню. А когда же вернулся домой, услышал голос почтенной супруги его <...>. Затем вышла сестра ее — дева дивная, и когда поцеловал я руку ей, она поцеловала меня в лоб. «О какая это радость для нас, господин Абовян! — молвила приятельница моя, — наконец-то вы сочли нас достойными видеть Вас в доме нашем! А мы-то уже думали, что так и не увидим вас у себя...» Мы сели за стол — выпить кофе. Я рассказал о родственниках ее (Абовян подразумевает семью отца госпожи Видеман — П. А.). Такую же радость проявил и любезный друг мой Видеман. Глаза у него болят...

Вскоре расторопная супруга <Видемана> решила отправиться на рынок для необходимых по хозяйству закупок. Я сопровождал ее <...> Ярмарка. По дороге на слова мои, что я весьма обязан им за дружбу и любовь, молвила: «Добросердечие Ваше заставляет Вас так ценить это,

дорогой господин Абовян, но почему же другие люди не ценят этого?!...» и т. п. Различные женские украшения. Я прошу сестру ее указать среди них на то, что ей нравится, чтобы купить. Но благовоспитанная девушка застенялась указать мне. «То, что пожелаете вы,— сказала она,— и будет для меня самым желанным, ибо эту вещь выберете Вы для меня...» Я покупаю серьги с черным камнем (агатом). Она обрадовалась весьма. А для приятельницы моей — украшенные камнями серьги <...>. По возвращении нашем домой, они (сестры) вдели в уши свои серьги и показали любезному другу моему, радовались, благодарили. Три дня остался я у них — и все та же любовь, та же дружба! Они сожалели, что так скоро должен я расстаться с ними <...>. Муж и жена жили в маленькой мирной квартирке своей так мило, словно брат с сестрой. Эти дни ходил я с приятельницами моими в театр оперный <...> Вечером пели и играли на клавишине <...> Сестра ее — незамужняя. <...>. Мне казалось, что она любит меня, ибо во время частых бесед с нею о любви супружеской она не раз говорила мне: «Почему не хотите Вы остаться в стране нашей, если она так нравится Вам? Почему не ищите Вы здесь сокровища (любимой) Вашего?!» (201—202).

<18 июня>

Настал день расставанья. Бесценная семья та была сильно опечалена <...> Расцеловавшись огорченно с другом моим и приятельницей моей, прощаюсь с ними. Но обе сестры идут со мной до самой двери и остаются там до тех пор, пока стены домов не скрывают нас окончательно друг от друга. Я то и дело оборачиваюсь назад, ибо сердцу совсем не хочется расставаться с ними... С полдороги возвращаюсь, ибо (забыл) заплатить служанке их за то, что услуживала мне. Они, прослезившись, обняли меня. «За какие (особые) труды делаете вы это?!» — молвила милая приятельница моя. Едва подоспел вовремя на почтовую станцию — дилижанс уже собирался отъехать. Я занял место в нем, в последний раз бросил горестный взгляд на город, где оставил друзей, и, полный печали, уехал... (203).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

О Д. Г. ЮРГЕНСОНЕ И О ДЕРПТСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ

<19 ноября 1831 года>

Сегодня, направляясь в 9 часов утра в семинарию, увидел я некое изумительное явление <...>.

Огорченный, пошел я на урок, а возвращаясь через два часа домой, увидел ту же самую картину... (47—48).

<20 ноября>

...Я рассказал ему (Фр. Парроту — П. А.), как экзаменовал меня господин Юргенсон по древней истории. Он порадовался и посоветовал всегда в таких случаях быть смелым (49).

<12 декабря>

Как-то раз, когда пожелал господин Юргенсон, чтобы пошел я к нему, дабы спросил бы он меня по арифметике, я спросил его — можно ли, чтобы господин ректор пришел сюда, ибо он тоже желает проверить успехи мои за полугодие. «Не подобает сие, чтобы он пришел ко мне...» <ответил Юргенсон> (63).

<15 декабря>

Музыка трудно дается мне, но семинарист один по имени Фром охотно взялся помогать мне (65).

<16 декабря>

После обеда — у господина Юргенсона. Он расспрашивает меня о стране нашей, задает вопросы по арифметике и истории. Я показал ему, как можно изготовить глобус... (65—66).

<17 декабря>

После обеда пошел в семинарию. Преподаватель музыки — господин Бидерман попросил петь с другими (учениками), и так как не смог я спеть как полагается, задал вопрос — неужели нет у нас упорядоченной музыки? На ответ мой, что есть, но без нотных знаков (нот), сказал: «Так поют и готтентоты, и остальные дикие народы...» И опечалило это меня, ибо сказал он правду (67).

<1 января 1832 года>

...После обеда пошел я также к учителям моим — господину Асмусу и господину Юргенсону. Оба они приняли меня с любовью <...> У второго встретил я несколько почтенных дам, а юные ученики его окружали, как дети — отца <...>. Господин Юргенсон ласково обнял меня, попросил остаться на чай <...>. Когда же я попросил извинить меня, ибо должен был уйти, <молвил он>: «Тогда хотя бы завтра попрошу Вас зайти к нам. Вы очень редко бываете у нас». Он также проводил меня до самой двери (112).

<3 января>

Учитель мой — Юргенсон — человек кротости великой... Когда я на Новый год пошел к нему, попросил меня зайти к нему сегодня вечером. Я внял просьбе его, пошел к нему. При входе моем в комнату, где занимались питомцы его, несколько детей, увидевших меня, побежали к нему,

и он тотчас же вышел мне навстречу и, взяв меня за руку, пригласил войти. Прелестная супруга его уже сидела за накрытым столом, ожидая меня. Я увидел с нею и двух пришедших в гости дам (не знаю — были они родственницами ей, или посторонними) и еще одного миловидного студента. Они все сидели за столом, а с ними — также и дети. Когда вошел я и поздоровался, все поднялись и стоя приветливо поздоровались со мной, а учитель мой пригласил меня сесть между дамами — выше, чем сидел он сам. Привлекательные дамы начали любезно расспрашивать меня о том, далеко ли находится моя отчизна, о разлуке с родителями моими. Какое сердечное попечение... А господин Юргенсон (задавал вопросы) о плодах и урожаях в стране нашей и о войне... Все внимательно прислушивались к рассказам моим. Слыша же о бедствиях народа нашего от руки варваров, все сочувствовали со слезами на глазах <!...>. Перед уходом моим учитель мой обещал дать мне инструкцию <по методу> преподавания своего. Почтенные дамы встали также и сказали мне «Будьте здоровы!», а учитель мой проводил меня к выходу, не внимая просьбам моим... (117—118).

<14 января>

После обеда, возвращаясь из семинарии в четвертом часу, встретил у дверей профессора Вальтера господина профессора Фридендера... (130).

<20 января>

...пошел в семинарию, взяв с собой к учителю моему Юргенсону мой глобус. Очень ему понравился, и расспрашивал меня — как сделан, и по-нес показать супруге своей (134).

<21 января>

Утром в девять часов пошел в семинарию. Учитель еще не успел начать урока, как пришел уважаемый придворный советник господин Розенберг, чтобы проверить успеваемость учеников. Он распорядился, чтоб ученики описали — как должно учителю руководить училищем своим. Пока писали все, подошел ко мне почтенный директор наш и спросил — как самочувствие мое... (135).

ПРИЛОЖЕНИЕ III ПИСЬМА Ф. И. ВИДЕМАНА К Х. АБОВЯНУ

I

Митава, 16 апреля 1832 г.

Дорогой друг и учитель!

Радость, доставленная мне встречей с братом, стала еще больше благодаря Вашему милому, дружескому письму, которое он привез мне. Вы так добры ко мне, что я и не знаю — чем я это заслужил и как могу

отплатить Вам... Наше знакомство, которое, собственно говоря, может принести пользу и доставить удовольствие только мне, Вы склонны почитать счастьем и для себя... Конечно, я сознаю, что мне следовало задолго до этого написать Вам, чтобы сейчас не чувствовать себя пристыженным, от Вас первого получив письмо. Но я его все время откладывал, чтобы иметь возможность неожиданно поразить Вас написанным по-армянски письмом. Однако из-за множества дел и частных уроков я так и не сумел выкроить время и посвятить занятиям этим языком столько времени, сколько мне хотелось бы и сколько потребовалось бы для того, чтобы иметь возможность написать такое письмо. По этой причине я ныне довольствуюсь этим моим немецким <письмом>. Посмотрим, смогу ли в дальнейшем когда-нибудь достичь того, чтоб написать и по-армянски...

Я почел бы себя обрадованным сердечно, если б Вы смогли посетить нас летом. Дважды в неделю представляется okazия для приезда из Риги в Митаву, и если Вам удастся быть в Риге к началу университетских каникул, то нет ничего легче, как завернуть к нам, поскольку наши каникулы начинаются значительно позднее и я смогу выехать отсюда не раньше 28 или же 29 июня. И нам было бы тем приятнее Ваше посещение, что на сей раз мы, как видно, вовсе не сможем приехать в Дерпт, поскольку родители моей жены собираются провести каникулы вместе с нами в Гапсале, у моих родных.

Ваш армянский лексикон (словарь) с моей большой благодарностью передаст Вам мой брат. Как завидую я Вальтеру и Герману, которые имеют теперь возможность брать уроки у Вас! Ах, если б я, лишенный этой счастливой возможности, имел хотя бы столько времени для занятий армянским языком, сколько мне хотелось бы!.. Не могли бы Вы дать мне хотя бы на время Ваш маленький русско-армянский словарь, который я как-то видел у Вас? Брат мой сможет переслать его мне. Уж будьте добры — не сердитесь на меня за эту мою просьбу и если книга эта Вам самому нужна, то не стесняйтесь отказать ссудить ее. Поскольку же Вы в настоящее время часто бываете с профессором Вальтером, то не откажите выполнить еще одну мою просьбу — а именно спросите его, не намерен ли он продать книги своего покойного брата о санскритском языке...

Хочу порадовать Вас новостями, касающимися языка Вашего, и которые я вычитал недавно. Армянская академия в Венеции собирается издать приблизительно шестьдесят писателей (с IV века — по XII-й). Из них вышли по сей день (с 1826 до 1828 гг.) три, а именно: 1) опровержение ересей Езника Кохбаци, 2) *Պատմութիւն Հայոց* Моисея Хоренского, и 3) О войне армянской *Եղիշ*! (последний труд вышел также в переводе Неймана).

В 1829 году в Венеции же был издан и армяно-турецко-итальянский словарь, составленный Чакчаком.

Я оставляю жене моей местечко для нескольких строк и посылаю Вам сердечный привет до новой нашей встречи.

Ф. В и д е м а н.

Не только моему дорогому Видеману, но и всем нам Ваше дружеское письмо доставило очень большую радость, любезный друг мой. Особенно же радует мысль о том, что Вы, быть может, сможете посетить нас летом. Мой деверь подробно объяснит Вам, как должны Вы поступить, когда будете в Риге, а уж наше жилище в Митаве всякий Вам легко укажет. Что за радость будет для нас, дорогой господин Абовян, если нам посчастливится принять Вас в нашем собственном доме!

Часто ли Вы навещаете моих родных? Полагаю, что нет... Заходите к ним, как только найдется у Вас досуг, — ведь мои родители так любят Вас. Сестра моя посылает Вам свой привет, а Ваша приятельница посылает Вам сердечные пожелания всего наилучшего.

Эмилия Видеман²⁴.

2.

Ի վաղուց եղև ինս դիտաւորութիւն ռոնէ առ քեզ սրբելի բարեկամ իմ, սակաւ ինչ ծիրս հայերէն, առ ի ցուցանել քեզ թէ դեռևս ոչ մոռացայ զքեզ և զայն լեզու որ դու գիտ ուսուցէր. Եթե գրազմութիւն վրիպակաց գտանես լալս նամակիս, ներեացէս ռոճ. վասն զի ոչ կարէի հարցանել դիտրհուրդ քո:

Ինձ անհաճոյ է թէ ոչինչ զքէս լուայ յետ քան²⁵:

²⁴ Музей литературы и искусства АН АрмССР, фонд Х. Абовяна, № 476 (на немецком языке).

²⁵ Там же, № 366. Письмо Ф. И. Видемана приводим в оригинале, чтоб показать степень его знания древнеармянского языка.